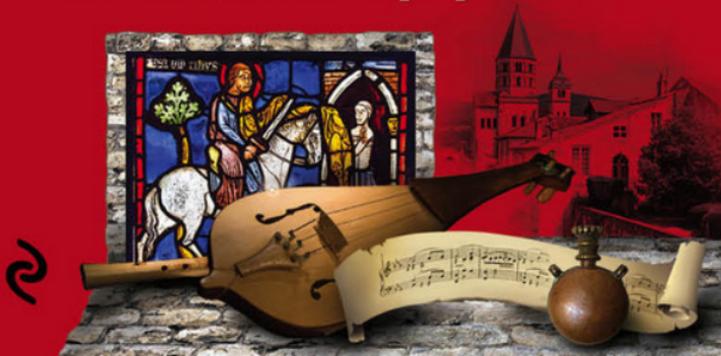

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

Это мелодия Орфея – того, кто побывал в аду и нашел в себе силы вырваться из ада, чтобы сложить новую гармонию, о которой мир пока не подозревает. Но разве гармония стоит того, чтобы платить за нее чужой жизнью?..

Лариса КАПЕЛЛЕ

Волшебная мелодия Орфея

Лариса Капелле
Волшебная мелодия Орфея
Серия «Артефакт-детектив»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23299716

Волшебная мелодия Орфея / Лариса Капелле: Эксмо; Москва; 2018

ISBN 978-5-699-97675-1

Аннотация

Похитить музыку и скрыть ее от людей, потому что эти божественные звуки слишком хороши, чтобы быть услышанными, – какой изощренный ум мог задумать такое преступление? Однако оно совершилось, и восемь столетий назад древние тонарии были замурованы в фундаменте Клунийского аббатства в самом сердце Франции – чтобы открыть свою тайну в наши дни самой обыкновенной Насте из России, первой, кто оказался достоин услышать магическую мелодию Орфея...

Содержание

Глава 1. Знакомство	4
Глава 2. Портрет хакера	44
Глава 3. Интриги самозванцев	69
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Капелле Лариса

Волшебная мелодия Орфея

Глава 1. Знакомство

Бодлер, специалист по информатике и по совместительству компьютерный взломщик, с явным удовольствием наблюдал за Магнусом. Этот самонадеянный идиот, ни о чем не подозревая, почесывался и сосредоточенно набирал очередную мулю на тему, какой он гениальный! Классное ощущение, Бодлер чувствовал себя почти Богом. Разобраться с защитой магнусовского компьютера заняло у него каких-то десять минут, а заклеивать глазок видеокамеры, как простой смертный, Магнус ни за что бы не стал. Это значило бы признаться в бессилии собственного антивирусника. Болван! Ну и кто из нас лучше? Представлял себе рожу своего завязанного врага, когда тот узнает, что вся его жизнь была на его, бодлеровской ладони.

В реальной жизни, то есть той, в которой существовали свидетельства о рождении, медицинские страховки и права на собственность, Бодлера звали Александр Вошек. Имя ему родители, профессора парижской Сорбонны, выбрали в честь Александра Македонского. В момент выбора имени ребенка оба родителя занимались углубленным изучением

ем античной истории и гораздо лучше разбирались в событиях трехтысячелетней давности, нежели в пробегающем за окнами двадцатом веке. Тут случился ребенок, которого надо было как-то назвать. Учитывая вышеозначенные обстоятельства, можно сказать, что Бодлеру неслыханно повезло. Он вполне мог оказаться Навуходоносором, Мельхиседеком или Палладием.

Родители жили на своей планете. Общение с ребенком у них сводилось к короткому обмену мнением относительно погоды, даты родительского собрания и суммы денег на карманные расходы. Оба так и не поняли, зачем они обзавелись этим чадом, но к своим родительским обязанностям все-таки отнеслись ответственно. Ребенок был накормлен, одет, обут. Была нанята нянька, которая сопровождала юного Александра в школу и из школы, исправно таскала ребенка на всякие дополнительные занятия вроде скрипки и гимнастики. Юное дарование пиликало на скрипке, вызывая головную боль собственных достопочтенных предков, пытались продержаться хотя бы одну минуту на бревне, провоцируя гомерический хохот благодарной аудитории сверстников. Надо сказать, что со сверстниками отношения у Бодлера не складывались. Окружающие особи того же возраста и обоих полов его раздражали, они были недалекими, интересовались всяческой глупостью вроде игр в стеклянные шарики, собиранием этикеток и картонных изображений, умильными песенками на тему он – ее и она – его. В общем, скука

зеленая. Ситуация изменилась, когда на одиннадцатилетие родители преподнесли Алексу компьютер с десятичасовым месячным абонементом на Интернет.

Бодлер оторвался от воспоминаний и снова стал наблюдать за Магнусом. В реальной жизни Магнуса звали Эдуард плюс фамилия с аристократической приставкой: де Вельтэн. Внешность плейбоя, рост – метр восемьдесят четыре, мускулы на всех видных и невидных частях тела, хорошо вылепленное лицо и приятный баритон... перечислять можно было до бесконечности. И в общем и целом не сравнить с рахитичным Бодлером, взирающим на мир с высоты своих одного метра шестидесяти трех с половиной сантиметров. Неудивительно, что дружбы между этими двумя быть не могло. Судьба их свела на подготовке к конкурсу в высшие инженерные школы. Сначала оказалось, что им интересно вместе. Они даже оказались за одной партой. Но дружбы не завязалось. Сказалась разница характеров, воспитания, среды обитания. Магнус был настоящим красавчиком, пользовался сногшибательным успехом у девчонок, преподаватели его выделяли, даже в столовой поварихи так и норовили дать ему самый хороший кусок. Неудивительно, что Магнус с легкостью поступил, окончил и даже устроился работать в престижную Высшую школу искусств и ремесел. В общем, Эдуард де Вельтэн умел себя преподнести и относился к собственному внешнему виду с большой серьезностью. Даже сейчас, в домашней обстановке, болтался не в каких-нибудь

спортивных штанах и в застиранной фуфайке, а во фланелевых брюках и в новенькой футболке из модного тренда с девизом «Не откладывай на завтра то, что можешь сделать послезавтра», с которой он только что срезал этикетку. «Фронт хренов! – подумал с досадой Бодлер. – Каким был, таким и остался». Впрочем, в подготовительных классах высших инженерных школ Бодлер не задержался. Стресс, конкуренция, дьявольская нагрузка и прочие прелести этого учебного заведения Бодлеру быстро надоели, и он переместился в университет, не считая нужным загружать себе голову всякой неинтересной ерундой. Карьерные соображения его никогда не интересовали, да и зачем ему думать, как заработать четыре тысячи евро в месяц, когда он был вполне способен переместить гораздо больше на несколько банковских счетов и жить припеваючи. Правда, для отвода глаз работу он все-таки нашел, но она его не слишком утомляла. Вернее, работодатели боялись перегрузить компьютерного гения, чтобы он ненароком не переместился к конкурентам.

Тем временем в комнату вошла подружка Магнуса Ника, хрупкая золотистая блондинка с чудесными синими глазами. Алексу внезапно перестало хватать воздуха, он шмыгнув носом и отвел глаза от экрана. Он отказывался себе признаться, что Ника ему нравилась. Он привык считать, что противоположный пол не представляет для него никакого интереса. Эти глупые курицы предпочитали парней высоких, накачанных, разъезжающих на спортивных машинах и с голли-

вудской улыбкой. А Бодлер даже не смог сдать на водительские права. Дело было не в том, что он не мог водить. С машиной, как и с любым механическим существом, он быстро нашел общий язык, но ему абсолютно не давались правила дорожного движения, как, впрочем, и любые правила общественного общежития. Пока он боролся с нахлынувшими чувствами, между Никой и Магнусом начался какой-то спор. Сущность его Алекс не уловил, да и особенно не интересовался. Похоже, назревал скандал, а у Бодлера на семейные сцены была самая настоящая аллергия. Поэтому он на минутку отлучился в туалет по неотложной необходимости. Когда вернулся, Ника из поля зрения исчезла. Магнус же с разъяренной физиономией продолжал сосредоточенно набирать какую-то галиматю. Алекс заглянул в текст – ничего интересного. Речь шла о каком-то историческом открытии. Подумаешь, гений! Нашел очередной ночной горшок тысячеклетней давности и прыгает от восторга! Нужно сказать, что к истории Бодлер никакого особенного интереса не испытывал. Прошлое ему представлялось временем серым, занудным, к тому же в нем не было ни искусственного интеллекта, ни виртуального пространства, передвигаться приходилось на лошадях, ослах или, еще того хуже, на верблюдах. Любое вьючное животное Бодлеру представлялось врагом человека, оно норовило то скинуть всадника, то укусить, то двигаться в противоположном направлении. Кроме того, в прошлом не было водопровода с горячей и холодной водой, поставщиков

пиццы, китайских рестораничек и многих других жизненно необходимых вещей.

Бодлер понял, что отвлекся, и помотал головой, сейчас не до воспоминаний. Тем более в комнате Магнуса начались какие-то перестановки. Во-первых, субъект наблюдения куда-то смылся, следом послышался какой-то невнятный шум и разговор. Микрофон магнусовского компьютера заглохнул, и вместо ясных голосов появился треск, сменившийся шипением, а потом и вовсе полной тишиной. Бодлер лихорадочно искал причину поломки, тем временем перед камерой появился Магнус, который явно что-то объяснял кому-то невидимому. Хакер выругался, только этого ему не хватало! Потом, махнув рукой, смирился. В конце концов, не в первый и не в последний раз. Посмотрев пару минут на немое кино по ту сторону экрана, заскучал. Хотя атмосфера в магнусовском ложбище, похоже, накалилась. Хозяин был явно возмущен, покраснел, размахивал руками и широко разевал рот. Алекс даже развеселился, аристократичный Вельтэн ему напомнил огромную рыбу. Как раньше он этого не заметил: серые глаза красавчика на самом деле были выпуклыми и совершенно рыбьими. Впрочем, наблюдать за всей этой пантомимой Бодлеру надоело. Он уже протянул руку, чтобы отключиться. В этот момент Магнус в странном жесте поднял руки и начал медленно оседать. Все остальное происходило как в замедленной съемке. Голова Вельтэна откинулась, а на груди стало медленно расплываться темное пятно. Бодлер

оледенел от ужаса! А дальше ничего. Только через несколько секунд до Бодлера дошло, что он потерял связь. Он схватил мобильник и дрожащими руками набрал 18.

– Я только что стал свидетелем убийства! – прерывающимся голосом сообщил он кому-то на другом конце телефонной трубки.

– Где?

Бодлер напрягся, пытаясь вспомнить магнусовский адрес.

– Говорите! – потребовал голос в мобильнике.

– Я не знаю.

– Ваше имя?

При этом слове Алекс резко пришел в себя и отключился. На самом деле, что он мог сказать? Что взломал чужой компьютер, что наблюдал со стороны за чужой жизнью? С тем же успехом он мог признаться, что позаимствовал пару миллионов у Национального банка Франции. Он бессильно опустил на заваленный книгами и журналами диван и принался судорожно размышлять.

**Париж, октябрь 1147 года,
время правления Людовика VII
Молодого и Алиеноры Аквитанской**

В году 1147 после Рождества Христова во Французском королевстве настали времена брожения и смуты. Так же тревожно и беспокойно было на душе всемогущего министра

и наставника молодого короля, аббата королевского монастыря Сен-Дени Сюжера. Это был пожилой мужчина среднего телосложения, спокойный, уверенный в себе, с приятными манерами и располагающей к себе улыбкой. Он мерил шагами широкую залу дома, купленного на подложное имя в квартале скобяных дел мастеров. В этом доме он привык принимать гостей особых, о встречах с которыми знали только несколько самых приближенных к аббату людей и личная охрана. Строение было приземистым, взгляд не привлекало, но было очень удачно расположено, и его можно было покинуть аж через целых три выхода плюс четвертый, выходивший на берег Сены. Вот и сейчас он ждал одного человека, на помощь которого рассчитывал в такой непростой момент. Только серьезные проблемы могли заставить Сюжера покинуть стены аббатства в этот вечер. Через два дня должна была состояться торжественная месса в честь дня архангела Михаила. На ней присутствовали представители знати, всех цехов, гильдий Парижа, окрестные сеньоры, приезжие рыцари и торговцы со всех сторон христианского мира. Сюжер всегда с особым вниманием относился к таким праздникам. Его аббатство должно было, как всегда, поразить и затмить своей красотой все виденное ими ранее, от этого зависел и статут аббатства, и, что самое главное, статус короля Франции. Всю свою жизнь Сюжер поставил на службу двум устремлениям, каждое из которых не только не противоречило,

но скорее дополняло другое. Первое: установление сильной и единой королевской власти, когда король не просто первый среди равных, а единственный законный наместник Бога на земле. Второе: возвеличивание аббатства Сен-Дени, символа единства нации, в котором хранились мощи главного и следующего после Бога защитника французского королевства.

Только сейчас королевству грозили разброд и шатание. Ситуация стала хуже некуда с тех пор, как Бернар Клервосский заставил Людовика Молодого отправиться в Крестовый поход, а Алиенора Аквитанская последовала за мужем. У влиятельного аббата Клерво были свои резоны: освобождение Гроба Господня от власти неверных, воссоздание Небесного Иерусалима. Только аббату Сюэжеру было не до небесных забот. Он отвечал за жизнь здешнюю и никогда не претендовал на обладание конечной истиной. И еще он был уверен, что от благоустройства жизни земной, а вовсе не от обретения Вечного города, зависело спасение души человеческой. Голод, болезни, бедствия, несправедливость, войны, грабежи превращали людей в животных, лишая раз и навсегда надежды на спасение. Кому, как не Сюэжеру, появившемуся на свет в крестьянской хижине, это было известно.

И вот сейчас упрямство Бернара Клервосского поставило королевство на край пропасти. Устав кружить по зале, аббат присел на широкий деревянный стул с подлокотни-

ками, взял в руки один из разложенных на столе пергаментов, заточил перо и задумался. Зал был ярко освещен массивными подсвечниками и масляными светильниками. Любого поразил бы контраст между внешней суровостью здания и роскошью помещения, в которое он попал. Пол залы был выложен мраморными плитами, застланными турецкими коврами, стены украшали искусно расшитые, редкой красоты гобелены, между гобеленами помещалось несколько разукрашенных геральдических символов, на столах блестели золотом и драгоценными камнями кубки и блюда. Яркость красок, запахи пчелиного воска, масла бузины, потрескивающий в огромном камине огонь – все свидетельствовало о богатстве и могуществе хозяина. Сюжера любил красоту этого дольного, может быть, и несправедливого, но единственного известного ему мира. Для него именно красота, а не уродство, аскеза, вериги и страдания были обещанием рая небесного. Где еще, как не в обители Бога, люди могли воочию лицезреть обещание неба?

Бернар Клервосский был душой небесной, он видел, понимал и чувствовал то, что никому из простых смертных дано не было. Для него монашеское послушание и полное отречение от всего земного были смыслом жизни любого человека. Но не всем было дано стать при жизни святыми. Люди оставались всего лишь людьми. Иерусалим Иерусалимом, но, когда живот урчит от голода, заурядным людям было не до установления Царства Божьего на земле.

Бедняги и без того рисковали достаточно быстро отправиться на встречу с собственным создателем. Не до высоких идей рая на земле, когда каждый день тебя подстерегают болезни, набег грабителей, когда по углам эжметя ребятня с раздутыми животами и голодными глазами, когда слуги сеньора выгребают дочи́ста жалкие остатки припасенного для посева зерна и тщательно припрятанные драгоценные инструменты ремесленника. Бродячие проповедники вещали про приход Антихриста. Обнищавшие крестьяне и горожане уходили в лес. Начавшая было расцветать коммерция хирела. Да и о какой торговле могла идти речь, когда из города в город с товаром не пробраться, по дороге кошелек точно лишишься, а если не повезет, то и жизни? Сюжеср был человеком умным и здравомыслящим. От обедневших ремесленников и обанкротившихся купцов налогов не дождеешься. А обобранные до нитки крестьяне, те и вовсе могли бросить обрабатывать землю. Да и из голодного какой работник? Аббат наморщил лоб, он отложил в сторону гусиное перо и покачал головой.

Сведения, над которыми размышлял аббат, были удивительными. Они должны были остаться тайной исповеди. Но отпустивший грехи кающегося монах посчитал нужным о них сообщить аббату. Слишком поразительным было то, что он услышал от умиравшего книжника. Магическая сила, способная подчинить себе все живущее! Подумать только! Если бы только это! И кто владеет этой силой? Ключо-

нийское аббатство! Вечный соперник монастыря Сен-Дени! Клюнийский орден, объединявший сотни монастырей, возомнивший, что единственный обладает истиной, что монахи не должны подчиняться ни одной земной власти, а значит, и власти французского короля! Ключи уже давно беспокоил аббата Сен-Дени, а тут получается, что в руках его соперников находится невиданное по силе оружие! Сюжесер был просто обязан проверить истинность услышанного, похожего больше на сказку. Но, с другой стороны, на пороге смерти не врут...

Только сейчас почувствовал, как устал. Мыслями вернулся в прошлое, детство, когда даже в самых смелых мечтах его родители, крестьяне королевского домена, не могли себе представить удивительную судьбу своего отпрыска. Уникальные способности подростка заметили монахи аббатства Сен-Дени. И именно там Сюжесера ожидала встреча с будущим королем Франции Людовиком ле Гро. Мальчишеская дружба переросла во взрослую. Сюжесер стал верным соратником, настоящим сподвижником короля. Но Людовик умер, на престол вошел молодой принц, и все изменилось. А может быть, он стал слишком стар? Сюжесер горько усмехнулся. Сейчас ему было не до воспоминаний, какими бы славными они ни были. Он нахмурился, его гость опаздывал.

В это же самое время один человек спешил на встречу с всемогущим аббатом. Он так старался остаться незамеченным, что чуть было не наткнулся на ночной караул.

ул! Только этого ему не хватало, чтобы королевские солдаты застали его прогуливающимся ночью по улицам Парижа. Мужчину предупредило позвякивание фонаря, которым ночной караул освещал погруженную во мрак улицу. Человек слился с неровной стеной и затаил дыхание. Напрасная предосторожность, солдаты смотрели себе под ноги, чтобы не поскользнуться на заваленной отбросами улице. Вскоре грохот их бабшмаков стал удаляться, караульщики спешили в тепло сторожевой башни, только бы укрыться от пронизывающего осеннего ветра и проникающей до костей сырости. Мужчина отделился от стены. Улица была пустынна, только несколько бродячих котов рыскали в поисках поживы. Вдруг послышался странный шорох. Он напрягся и снова, затаив дыхание, прижался к стене. Одной его защитой было остаться незамеченным, оружия у него не было, единственный кинжал, подаренный старинным другом, он оставил дома. Да и какой толк в оружии, если пользоваться им мужчина все равно не стал бы. Какой толк в спасении тленного тела, если бессмертная душа будет потеряна навеки!

Выглянувшая из-за облаков луна осветила безжизненным светом окружающие дома и отразилась в грязных уличных лужах. Мужчина облегченно вздохнул. Прямо напротив несколько крыс пиروвали над трупом бродячего пса. Он двинулся вперед. Крысы с писком кинулись в разные стороны, только один самец, огромный, гораздо больше и чернее сво-

их собратьев, остался на месте. Животное вовсе не соби-
ралось покидать добычу. Маленькие глазки с вызовом уста-
вились на пришельца, пасть оскалилась, и крыса пригото-
вилась к прыжку. Мужчину передернуло: только крысиных
укусов ему сегодня и не хватало. Он внимательно огляделся
по сторонам: улица была пустынна. Ночной путник рассла-
бился. Его никто не преследовал. Он как можно осторожнее
обошел воинственного самца и продолжил свой путь.

Наконец человек достиг своей цели и постучал в дверь
приземистого строения. Ему открыли сразу же. Тот, кто
его ждал, не боялся ни воров, ни разбойников. Что, впрочем,
было понятно. За дверью находились пять воинов в полном
боевом облачении. Мужчину провели по узкому коридору в
большую залу, ярко освещенную массивными подсвечниками
и масляными светильниками. Гость даже пошатнулся от
неожиданности, голова закружилась от буйства красок и
сладкого запаха горящего масла. Сюжсер встал из-за стола
и с приветливой улыбкой направился к вошедшему.

– Мой дорогой Гийом Ожье, рад, что вы откликнулись на
мое приглашение! – обратился он к гостю.

– Только к чему такая секретность, святой отец? – не
без досады произнес тот, кого называли Гийомом Ожье.

– Не вижу необходимости посвящать всех наших как дру-
зей, так и недругов в подробности наших встреч. Все, о чем
мы говорим, разглашению не подлежит.

– Я прекрасно отдаю себе в этом отчет! Но почему так

далеко и ночью, аббат?

– Вы ничем не рисковали, мой дорогой, – усмехнулся его собеседник.

– Ничем! Один, на ночной улице, кишмя кишящей ворами и убийцами! – возмутился Ожье.

– Один! А кто вам сказал, что на улице вы были один? – хитро улыбнулся хозяин помещения и совсем другим, сухим и приказным тоном добавил: – Оставим эти ненужные пререкательства! Итак, вы подумали над моим предложением?

– Да, – кивнул Ожье.

– Я жду вашего ответа.

Ожье побледнел, ему все труднее и труднее удавалось сохранять спокойствие. Но он не имел права показывать слабости этому стервятнику.

– Вы прекрасно знаете, что от меня ничего не зависит. О том, что вы ищете, я знаю только понаслышке и совершенно не представляю себе, какую помощь я могу вам оказать! Это всего лишь легенда! Красивая сказка, ни больше ни меньше!

– Легенда! Красивая сказка! – пожал плечами пожилой мужчина. – Именно из-за этой легенды вы отправили срочное послание главе Ключийского ордена Петру Достопочтенному?

– Я регулярно переписываюсь с Его Святейшеством.

– Вы хотите сказать, что лично с ним незнакомы?

Ожье медленно кивнул. Ему показалось, что он задыха-

ется.

– В этом никогда не было необходимости, – покачал он головой, – я всегда восхищался Петром Достопочтенным, глубиной его мысли, эрудицией, совершенно редким пониманием Священного Писания, сочинений отцов Церкви. Переписка с ним – редкая удача для такого скромного теолога, как я.

– И вы не хотели бы познакомиться с аббатом лично? – вкрадчиво поинтересовался аббат.

– Я почти не выезжаю из Парижа, большую часть моей жизни я провел в дороге, но сейчас поездки стали для меня утомительны, да и потом ноги не могут увести в такую даль, в которую нас уносит сила мысли.

– Идея заманчива, только на этот раз это не просьба, дорогой Гийом, а приказ! – Вежливый и приятный тон старика сменился резким и жестким, на этот раз было видно, что возражения хозяин роскошной залы не потерпит. – Речь идет о будущем французской короны! Мне нет никакого дела ни до ваших желаний, ни до вашего комфорта! Все следы ведут в Клуни! Вы отправитесь в аббатство тотчас же! И возражений на этот раз я не потерплю! Если Бог оставил эту удивительную силу на земле, то по естественному праву она должна принадлежать французскому королю и аббатству Сен-Дени...

Гарик, Гарри Арутюнян, французско-армянский верно-подданный, скучающе наблюдал за проходящими за окнами магазина прохожими. Субботний вечер набирал обороты. Пока посетителей, которым не хватило горячительных напитков, было немного. Основной наплыв начинался обычно ближе к десяти-одиннадцати часам. Сейчас же не было еще восьми. Поэтому, когда раздалось характерное тарактенное его мобильного, он смог ответить сразу же:

– Привет, Бодлер.

Правда, ответа на свое приветствие не получил.

– Я в полном дерьме! – сообщил ему задыхающийся голос Бодлера.

– Тогда это не телефонный разговор, – коротко ответил Гарик, – ты где? У себя?

– Ага, – подтвердил Бодлер.

– Тогда заказывай такси и приезжай.

– Я лучше на метро.

– Как хочешь, – согласился Гарик.

В этот момент в магазин ввалилась веселая молодежная компания. На вид ребятам явно не было восемнадцати, но Гарик документов спрашивать не стал, не видел необходимости. Бизнес есть бизнес. Компания вывалилась так же радостно, как ввалилась, обогатив дядин бизнес на сотню евро.

Следом потянулись другие покупатели, и разговор с Бодлером совершенно вылетел из головы Гарика. Тем более попадать в самые неприятные ситуации для того было не впервой. Их знакомству с Алексом исполнилось больше тридцати лет. Тогда Гарика занесло на психологический факультет Сорбонны. Туда брали всех желающих, и для получения студенческой визы лучшего варианта не было. Гарик к этому времени находился во Франции около двух лет, семья его подала прошение на политическое убежище и в ожидании решения эмиграционного ведомства перебивалась как могла: социальными пособиями и помощью родственников. Правда, после года, проведенного в Сорбонне, Гарика потянуло на приключения, он махнул рукой на учебу и завербовался во Французский иностранный легион. Там он славно прослужил десять лет, получил французское гражданство и подал в отставку. И уже два года как был совладельцем сети небольших магазинчиков, открытой его дядей Артуром Ашотовичем. Параллельно создал собственное охранный ведомство,годились знакомства и годы, проведенные в Иностранном легионе.

Гарик встряхнулся – не до воспоминаний. На пороге появился Бодлер. Он был явно не в себе. Арутюнян сделал знак охраннику и отвел Александра в подсобку.

– Рассказывай! – потребовал он.

Хакер сначала запутанно, потом все более четко изложил ход событий, начиная со своего наблюдения за Магнусом и

кончая смертью последнего.

– Ты видел убийцу?

– Нет, я же объяснил, он находился вне поля зрения камеры! – досадливо отмахнулся Бодлер. – Ты сможешь мне помочь?

– Каким образом?

– У тебя же собственная служба безопасности?

– Я и мои ребята занимаемся охраной, а не частным сыском, – терпеливо объяснил Гарик.

– Какая разница?

– А такая, что в данном случае тебе следует обратиться в полицию и рассказать, что ты стал свидетелем убийства.

– А также рассказать... – Бодлер остановился, потом коротко добавил: – Мне с полицией не по пути!

При этом он совестливо умолчал, что не далее как вчера запустил пару вредоносных вирусов в интранет Министерства внутренних дел и на прошлой неделе скачал несколько документов для внутреннего пользования и запустил их в свободное веб-пространство.

– Понятно, к полиции обращаться ты не собираешься, – констатировал Гарик.

Бодлер отчаянно замотал головой.

– Тогда или занимайся поисками сам, или найми частного детектива! Только не говори, что у тебя нет средств, – предупредил Гарик.

Бодлер был человеком не то чтобы обеспеченным, а ско-

рее богатым. Что, впрочем, никоим образом не отражалось ни на его внешнем виде, ни на его образе жизни. Хакер задумался.

– Почему я должен нанимать частного сыщика? – не понял он.

– Тогда оставь полицию саму разбираться с этим делом. Магнуса уже наверняка нашли, ведется следствие. Да и чем ты можешь им помочь? Подумай сам? Убийцу ты не видел, тебе ничего толком неизвестно, ни повода, ни обстоятельств, только точное время! Ну это, я думаю, судебно-медицинская экспертиза установит и без твоей помощи.

Бодлер с Гариком согласился. И в самом деле, почему он запаниковал? Кому известно, что он следил за Магнусом? Никому. А Вельтэну в любом случае уже ничем не поможешь! Успокоенный, он поговорил еще недолго с Гариком и поспешил домой. Гарик облегченно вздохнул. В его планы никоим образом не входило заниматься неприятностями Бодлера. Алекс, как всегда, появился в самый неподходящий момент. Этим вечером он обещал показать ночной Париж своей гостье из России, Анастасии Столетовой.

* * *

Подходил к концу первый день пребывания Насти Столетовой в Париже. С утра она начала добросовестно выполнять нормальную туристическую программу, в которую во-

шла трехчасовая очередь на Эйфелеву башню с полутора- часовым посещением последней. День выдался дождливым, обещанная панорама ограничилась лицезрением одинаковых дождевиков канареечного цвета жителей Страны восходящего солнца и поблескивающего всем туманам вопреки золотого купола собора Инвалидов. Следом Настя послушно посетила Лувр, попыталась рассмотреть Джоконду. Ожидаемого эффекта не получила, тем более ее быстро оттеснила группа предприимчивых латиноамериканцев. А любоваться картиной и работать локтями у нее как-то не складывалось. Поэтому отправилась в гораздо более спокойный египетский зал. Зато вечер примирил ее с Парижем. С ней был Гарик, они болтались по блестящему огнями городу, говорили ни о чем и смеялись до упаду. Поужинали в греческом ресторанчике, где все друг к другу обращались на «ты» и вообще чувствовали себя как дома.

– Если хочешь понять город, выкинь, к чертовой матери, этот набор несуразицы, который называется туристическим гидом, и подумай сама, что тебе может понравиться, а на что наплевать с высокой башни, – вещал Гарик.

– Эйфелевой, например? – поинтересовалась Настя, вспомнив канареечные дождевики.

– Хотя бы, просто оставь только карту и двигай куда глаза глядят. Хочется тебе помирать от скуки в музеях, помирай, хочется увидеть и открыть что-то новое, открывай!

Настя совету Гарика последовала, гордо прошагала мимо

километровой очереди в музей д'Орсе, зато заглянула в Ключни, тем более название музея перекликалось с местом ее назначения во Франции. В Париже она была проездом. Ее коллеги по Питерскому политеху получили совместный грант с французской Высшей школой искусств и ремесел. Пригласили переводчицей Настю. Она совсем недавно и весьма успешно стала подвизаться в сфере технического перевода. Благо дело, место работы помогало. Поэтому Сережка Воскобойников, занимавшийся виртуальной реальностью, сразу подумал про Настю, когда вместе с Максимом Фофановым выиграл грант. Ребята предложили новую систему оптического трекинга, необходимого для иллюзии полного погружения игрока в выдуманный мир. Столетова не отказалась. Еще бы не согласиться: зарплата вдвое больше обычной, шенгенская виза на год и возможность несколько раз посетить Францию. Была еще одна причина – Гарик, но Настя предпочитала об этом не говорить. С Гариком она познакомилась у общих друзей в Москве, следом встретились в Питере. Молодые люди друг другу явно нравились, но так и не решались переступить тонкую черту, отделяющую дружбу от более близких отношений. Гарик, зная собственную ветреность, а Настя, смутно догадываясь о последней. Поэтому оба предпочли дружбу. Тем более на Настю Столетову можно было положиться, закрыв глаза. И для бывшего легионера это было самым большим комплиментом.

Настя шла куда глаза глядят и наслаждалась Парижем.

Гарик был прав, к черту туристические гиды! Вот эта маленькая церквушка ей говорила больше, чем величественный Нотр-Дам. А загадочная «Дама с единорогом» нравилась больше «Джоконды». Да и вообще, какой смысл напрягаться, когда лучше просто посидеть на террасе, рассматривая людей, здания, представляя, о чем они могут думать и как жить, не торопясь выпить кофе с маленьким пирожным, забыв про калории, подставляя лицо осенней свежести и легким порывам ветра, улыбнуться симпатичному молодому мужчине за соседним столиком, поболтать, легко выслушать комплимент и так же легко расстаться. А тот посмотрит вслед и отложит в своей памяти приятный образ случайной знакомой: немножко вздернутый аккуратный носик, волнистые каштановые волосы, серо-зеленые глаза, вззирающие на мир с откровенным любопытством.

Двоюродный брат Игорь Столетов, бывший начинавшим арт-дилером и в изобразительном искусстве в связи с этим разбиравшийся, сравнил ее как-то с героинями полотен Вермеера. Настя была такой же негромкой, не бросающейся в глаза, но очень милой. Правда, в личной Настиной жизни как-то так получилось, что ничего не получилось. То ли она была слишком разборчивой, то ли судьба – злодейка, а жизнь – индейка, то ли не встретила того, единственного. А может, ей и так было хорошо. Просто-напросто придерживалась принципа, что лучше голодать, чем что попало есть, и лучше быть одной, чем вместе с кем попало.

Жила Настя с мамой Антониной в совершенно чудной квартире в самом центре Петербурга рядом с Невским проспектом и площадью Восстания. Квартира досталась деду Виктору, ударнику и Герою Соцтруда, – двухкомнатная, с высокими лепными потолками, огромной кухней и настоящим холлом вместо обычного узенького коридорчика. Сначала вместе с дедом в ней жила старшая мамина сестра, незамужняя Алевтина. Антонина с Настей перебрались туда после смерти деда, а Алевтине отдали свою двушку на метро «Политехническая». Сестры втайне надеялись, что со временем Настя выйдет замуж, и тогда Антонина переберется к Але. Квартира служила одним из аргументов в поисках достойного спутника жизни для Насти. К величайшему разочарованию сестер, Настя Столетова замуж выходить не спешила. Не обладала ни необходимой ловкостью, ни сноровкой и не пылала особенным интересом. Был, правда, Костя из соседнего подъезда, но после нескольких свиданий Настя заскучала, потом был сокурсник Андрей, сотоварищ по походам по Карелии, но Андрей нашел работу в Москве, а суматошную столицу Настя не любила. Следом пара романов с коллегами окончились ничем. Да и сейчас воздыхатели у Насти были. Взять хотя бы Сережку Воскобойникова. Он и в грант ее пригласил явно не без задней мысли. Однако на что он надеялся, история умалчивала, ибо надежды эти были тщетными. Настя окончательно и бесповоротно занесла Сережку в разряд друзей и пересматривать свое решение

не собиралась ни в близком, ни в далеком будущем. Дело в том, что у Сережки был один недостаток. Он был абсолютно, непереносимо рыжим, а его белая кожа страдала даже от ненадежного, скромного и ни на что не претендующего петербургского солнца. «Рыжий, рыжий, конопатый убил дедушку лопатой» – было именно про него. И это все несмотря на то, что дедушка Воскобойникова жил и здравствовал, преподавая в том же политехе. С точки зрения мамы и тети, это было чистой воды дурью. Но Настя была непоправимой идеалисткой и от портрета прекрасного принца, жившего в ее воображении с детства, отказываться не собиралась. Этот портрет походил на Гарика, смуглого, спортивного, с черными, прожигающими насквозь глазами и такими же блестящими вьющимися волосами, и никоим образом не напоминал рыжего Сережку Воскобойникова.

* * *

Ночью Бодлер никак не мог заснуть. Не то чтобы перед глазами стояло кровавое пятно на футболке Магнуса, но было как-то противно на душе. И совсем уж неприятно: шевелилось нечто похожее на чувство вины. Попытался было поиграть – не помогало, потом побродил по глубокой Паутине, отозвался на приглашение атаковать сайт индонезийского правительства. Чем оно провинилось перед хакерами, Бодлера не интересовало, так, повредничал, душу надо было

отвести. Прогулки по deep-web были его любимым занятием. Глубинный Интернет использовался всеми, кто нуждался в каналах тайного общения и обмена документами, как правительствами, так и диссидентами, как правовыми органами, так и криминалом. И на этой ничейной территории Бодлер чувствовал себя как рыба в воде. В душе он был анархистом, любая общественная система была орудием ущемления личности. Но хакер был человеком разумным и прекрасно отдавал себе отчет в том, что без этой самой системы его хлипкая личность не продержалась бы и суток в условиях настоящей борьбы за существование. Потом заглянул в почтовый ящик, сообщений было шесть. Первые пять были простыми весточками сотоварищей. Зато шестое было интригующим. «Любопытство – не порок!» – гласило оно. А следом прискакало и следующее: «Хочешь мира, готовься к войне!» Алекс вскинулся. Кто-то был в курсе его вчерашнего наблюдения! Бодлер был юзером осторожным, но и на старуху бывает проруха. Неужели попался? Потом покачал головой, глупая шутка. Заснул только к утру тяжелым, тревожным сном.

Проснулся он ближе к вечеру. Первым делом устроился перед компьютером. То, что искал, нашел быстро: убийство Магнуса обнаружили вчера вечером. Все было просто: Ника вернулась домой и нашла тело своего возлюбленного. Уголовное дело было открыто, выяснением обстоятельств занялась бригада по расследованию особо тяжких преступлений

жандармерии Ключи. Бодлер с облегчением вздохнул. Его вмешательство и на самом деле было делом совершенно излишним. В этот момент на экране появилась фигура монстра, быстро заполнившая все пространство. Бодлер вскинулся. Кто-то явно проник в его компьютер. Вчерашнее сообщение было не случайным. Пальцы Бодлера лихорадочно забегали по клавиатуре, монстр исчез, но спокойнее от этого ему не стало. Он был опытным хакером, всегда использовал многоуровневое шифрование. Однако прекрасно знал, что достаточно было хорошего оснащения и такого же отличного знания топологической карты Сети, чтобы вычислить любой IP-адрес компьютера. И никакая сеть TOR с самыми изощренными узлами не могла гарантировать полной анонимности. Единственный вопрос был в том, кто был этот наблюдатель и зачем ему понадобился простой и безобидный хакер. Атака не повторилась.

Бодлер подождал, потом вспомнил, что сегодня он не обедал и соответственно не ужинал. Развернувшись, отправился в ночной китайский магазинчик. Пока выбирал, перекинулся парой слов с продавцом, ярым поклонником компьютерных игр. Они обсудили парочку новых опусов, появившихся на рынке видеоигр. В более жизнерадостном настроении вернулся домой и остановился как вкопанный. Дверь его квартиры была приоткрыта. Бодлер осторожно приблизился. Изнутри доносились голоса. Он в испуге замер, потом как можно тише отошел и спустился по лестнице. На этот

раз полицию все-таки вызвал. Те приехали без промедления. С ними вместе поднялся. Дверь в его апартаменты была широко открыта, и внутри все было перевернуто сверху донизу.

* * *

Этим вечером Гарик купил билеты в Оперу Гарнье. Сам он к классическому и неоклассическому искусству особой любовью не пылал, но решил порадовать Настю. Та в Питере ухитрилась сводить его в Мариинку на закрытое представление, да и сидели они на месте почетных гостей. Гарику нужно было поддержать уровень, включил в дело все свои связи, выложил кругленькую сумму и достал-таки хорошие билеты. Поэтому звонок Бодлера был явно некстати. Гарик выслушал сообщение друга и глубоко вздохнул.

– Что-то случилось? – спросила закончившая свои приготовления Настя.

– Классно выглядишь! – прищелкнул языком Гарик.

– Спасибо, – улыбнулась она, – но ты так и не ответил на мой вопрос.

– У друга серьезные неприятности.

– Мы не пойдем в Оперу! – искренне огорчилась Настя.

– Пойдем, просто немного организуемся по-другому. Я тебя провожу, заскочу к Алексу, он живет недалеко, и присоединюсь к тебе в антракте. Так пойдет? – быстро набросал план действий Гарик.

– Пойдет, – вздохнула Настя.

Оставив Столетову наслаждаться «Проделками Терпсихоры», Гарик заехал к Александру. Покачал головой, рассматривая хаос, царивший вокруг. Конечно, обиталище его друга и до этого мало напоминало хорошо организованное и приспособленное для жизни пространство. Но после посещения вечерних гостей было трудно себе представить, когда им удастся придать ему более-менее жилой вид. Все шкафы были вывернуты, посуда разбита, полки на полу, два компьютерных экрана валялись на полу, третий тоскливо висел на проводе, пол ровным слоем устлала книги и диски.

– Алекс, ты уверен, что они что-то искали?

– Тогда к чему это все?

– Хорошо, поставим вопрос иначе: что они могли искать?

Бодлер задумался:

– Может быть, это связано с Вельтэном?

– Каким это образом это может быть связано с Вельтэном? – возразил Гарик. – У тебя есть враги?

– У кого их нет? – философски развел руками Бодлер.

Арутюнян задумался.

– Так, оставаться здесь тебе не рекомендуется. Пока попробую разобраться, что к чему, на полицию у меня есть пара выходов, а тебе надо найти убежище. Поедем ко мне.

Бодлер собрался быстро. Проблема одежды его никогда особенно не напрягала. Больше времени заняла упаковка книг, наушников и нескольких запасных жестких дисков.

– Я готов, – сообщил он.

– Отлично, вперед.

На представление Гарик попал ближе к концу. Настя, погруженная в стремительно развивающиеся на сцене события, появление Гарика заметила не сразу.

– Ты не обиделась? – осторожно спросил Гарик погруженную в свои мысли Настю.

– Вовсе нет, с чего ты решил?

– Просто молчишь.

– А-а, извини, кайфую, спектакль классный был, и я еще под впечатлением.

– Понятно, и все из-за Бодлера, – с огорчением произнес Гарик.

– То, что ты пропустил спектакль?

– Конечно, и приготовься, он уже в моей квартире, надеюсь, ты не против? У меня просто не было выхода.

– Как я могу быть против чего-либо? – удивилась Настя. – Он такой же гость, как и я.

– У тебя право первенства, а Бодлер мне на голову свалился!

– Он же не виноват, что у него серьезные проблемы.

– Это с какой стороны посмотреть. Познакомишься с ним, поймешь. Бодлер, конечно, сам неприятности не ищет, да только так получается, что они сами его стабильно находят.

– Кстати, он имеет какое-то отношение к Шарлю Бодлеру?

– Ровным счетом никакого, его настоящее имя Нафанаил

Вошек, и слагает он не вирши, а компьютерные вирусы, хотя внешность у него и на самом деле поэтическая. Вот, посмотри.

С этими словами он протянул ей мобильник с фотографией Бодлера. Из поэтического присутствовали взлохмаченные кудри, творческий беспорядок в одежде вкупе с весьма экзотическим сочетанием цветов и горящие вдохновением глаза.

– Расческа ему явно не помешала бы, – хмыкнула Настя.

– Ему много чего не помешало бы, – вздохнул Гарик.

– Например? – напряглась Настя.

– Побольше рационального мышления и поменьше сдвигов по фазе.

– А у него их много? – На этот раз Столетова встревожилась.

– Вагон и маленькая тележка!

– Например?

– Его старшая сестра с белой крысой, – покачал головой Гарик, который уже начал искренне сожалеть о случившемся душевном порыве.

– Пояснее можно? – попросила его Настя.

– У Бодлера есть старшая сестра, существующая исключительно в его собственном воображении.

– В его воображении?

– Я немного неточно выразился, – исправился Гарик, – у него действительно была старшая сестра, но она умерла в возрасте нескольких дней, и понятно, что Бодлер ее никогда

не встречал. Однако это не мешает рассказывать всяческие небылицы.

– Про сестру, которая живет всех живых?

– Вот именно, как мумифицированный вождь мирового пролетариата, – вспомнил Гарик пионерские девизы советского прошлого, – я так думаю, что выдуманная сестра помогает Бодлеру примириться с несовершенством женского пола. Хотя скорее просто-напросто с существованием противоположного пола вообще.

Оба замолчали. Гарик сосредоточился на вождении, а Настя мысленно готовилась к определенному количеству дней проживания под одной крышей с малахольным хакером.

Предупреждения Гарика оказались нелишними. Стоило Насте пересечь порог, он появился перед ними как ни в чем не бывало и требовательно заявил:

– В моей комнате, насколько я понимаю, розетки интернетной связи нет (уточнить, как называется в России)?

– Wi-Fi обойдешься! – не стал церемониться Гарик.

У Насти же возникло противное впечатление, что на нее обратили ровно столько же внимания, как на стоящую рядом с дверью вешалку.

– Кстати, поздоровайся с Настей, – как плохо воспитанному ребенку напомнил Арутюнян.

– Это ты Настя?

– Я, – подтвердила она.

– Здравствуй, я тебе мешать не буду, – пообещал хакер и

исчез за дверью.

Гарик с улыбкой наблюдал за слегка опешившей гостьей.

– Вот ты и познакомилась с Бодлером, – констатировал тот.

– Познакомилась, – хмыкнула Настя.

– Расслабься, он не кусается.

– Он всегда такой?

– Почти, просто у него специфические представления о жизни в социуме.

– Это я уже поняла.

Уже за ужином, к которому Бодлер выходить нужным не посчитал, сообщив, что он уже нашел все, что ему нужно, в холодильнике, разговор зашел о неприятностях поэта-хакера. Гарик коротко ввел Настю в курс дела. Та была заинтригована:

– Ты уверен, что Бодлер не видел убийцу?

– Уверен, если бы видел, то все было бы гораздо проще!

– Ты думаешь, ему действительно грозит опасность?

– Не уверен, но на всякий случай решил, что ему лучше уехать.

– Классно, а меня будете держать в курсе дела? – попросила она с загоревшимися глазами.

– Подожди-ка, ты в это дело не влезай! – опомнился Гарик. – У тебя работа, ты скоро уедешь в Ключи, в кампус Высшей школы искусств и ремесел и благоразумно забудешь всю эту историю.

– Уеду, – согласилась Настя, – только ты совершенно забыл одну деталь.

– Какую?

– Насколько я поняла, этот самый Магнус жил и умер в Клюни...

Ноябрь 1147 года, аббатство Клюни, владения Французской короны

Человек, стоявший перед привратником Клюнийского аббатства, явно привык повелевать. Его голос был властным, а взгляд серых с металлическим отблеском глаз – прямым, умным и жестким. Даже грубая коричневая ряса, подпоясанная перекрученной веревкой, не нарушала этого впечатления. Гостю аббатства не было никакой необходимости щеголять в роскошных нарядах, чтобы подчеркнуть собственное достоинство. Даже в самом простом облачении он выделялся в любой толпе. Его спутник был поменьше ростом, помоложе, с изящным подвижным лицом и такими же тонкими руками. В отличие от своего наставника, державшегося с молчаливым и величавым спокойствием, ученик нервничал. Он явно устал с дороги, был голоден, и ему не терпелось оказаться внутри.

– *Передай, что монахи ордена Святого Бенедикта Гийом Ожье и Руфин Редналь просят аудиенции с его милостью Петром Достопочтенным!* – просто заявил старший.

Привратник подозвал проходившего мимо молодого послушника и отправил его с посланием к аббату. Гости же терпеливо ждали, пока их проведут к настоятелю. Но вместо настоятеля навстречу им вышел высокий и худой монах в бурой рясе, подпоясанной кожаным поясом.

– Pax et vocit¹, мой брат, – слегка поклонился он.

– Pax et vocit, – наклонил голову приезжий.

– Ансельм, – представился встречающий, – страннопримный брат. Добро пожаловать в аббатство, братья! Вы наверняка устали с дороги, вам надо прийти в себя и отдохнуть. Пока Петр Достопочтенный и наши братья закончат полуденную молитву, я покажу вам ваши покои.

– Мы не устали и готовы присоединиться к братьям для молитвы, – спокойно возразил отцу-госпиталию старший приезжий, младшего, мечтавшего о покое, передернуло, но возразить он не решился.

Ансельм кивнул:

– Как пожелаете, братья, пусть ваш проезд оживит и питает молитву каждого из нас.

Ожье только склонил голову в знак согласия. Страннопримный монах развернулся и пошел, указывая путь новоприбывшим. Глазам путников открылась впечатляющая сцена. Внутри аббатство оказалось еще великолепнее. Особенно потрясала базилика. Даже леса, опоясывающие строящийся собор, не могли скрыть изящества и величествен-

¹ Мир и любовь (лат.).

ности здания. Вокруг него громоздились другие постройки, поменьше, но также добротно построенные: странноприимные покои, трапезная, монастырская кухня с погребками, покои аббата, две огромные общие спальни для монахов, третья, чуть поменьше, для послушников, чуть подалее виднелись лазарет, конюшни, амбары, кузница и ремесленные мастерские. Чувствовалось, что монастырь был отлично организован. Расположение зданий подчинялось строгой логике, все было практично, красиво, чисто и ухоженно. Аббатство Ключи искусно обошло завет монашеской бедности и неустанно воплощало в жизнь собственный девиз: «Бедные монахи, богатый монастырь».

Гости не скрывали собственного восхищения.

– Многие говорят о красоте вашего аббатства, но одно дело – слышать, а другое – видеть собственными глазами! – произнес Ожье.

– Мы всего лишь скромные слуги Господа нашего, и все это благодаря воле и милости Его, – спокойно ответил Ансельм.

И монах нисколько не кривил душой. Удивление прибывших было для него делом обычным и никоим образом не влияло на его отношение к собственному монастырю. Окружающее великолепие было всего лишь сосудом, главное же было совершенно в другом. Ансельм так же прекрасно чувствовал бы себя в отшельнической пещере или шалаше пустынника. Он подвел гостей к входу в базилику.

Собор Ключийского ордена мог соперничать с главной

церковью королевства – базиликой аббатства Сен-Дени. Гости переглянулись, удивленно округляя глаза. Речь шла даже не о соперничестве, а просто-напросто о превосходстве. Перед ними возвышалось самое впечатляющее здание христианского, да и не только христианского, мира. Тот, кого называли Гийомом Ожье, покачал головой. Он много путешествовал, многое видел и мог положить голову на плаху: ничего подобного встречать ему не приходилось. Теперь идея Сюжера не казалась ему такой уж экстравагантной. Кроме того, Гийом лучше понимал ноты соперничества, звучавшие в голосе Сюжера. Пославший его аббат, может, и был всемогущим министром французского короля, но власть Ключни простиралась далеко за пределы маленького Французского королевства. Повсюду один за другим монастыри приносили присягу на верность Ключнийскому ордену – от Лондона до Марселя, от Сантьяго-де-Компостелла до Праги, от Брюгге до Осло. Конгрегация стала занозой не только для Французского королевства, но и для правителей всей католической Европы. Монастыри препятствовали вмешательству местных сеньоров, всячески противились власти королей, герцогов и императоров, запрещали продажу церковных должностей, требовали строгого соблюдения монашеского устава, безбрачия, ибо священник не мог совершать таинства, будучи по макушку погруженным в обыденную повседневную жизнь, когда надо было выбирать между интересами жены, детей и интересами Церкви. Маленький ве-

терок грозил перерасти в бурю и смести привычное, веками устоявшееся. Ключийцы, верные слуги Святого Престола, неустанно день за днем, месяц за месяцем и год за годом собственным примером доказывали, что Церковь, обитель Бога, не должна подчиняться мирской, земной власти. Как и Творец всего сущего не может подчиняться собственному творению – человеку. При этом монахи помогали страждущим, лечили, образовывали, строили, кормили в голодные годы, настаивали на мирном разрешении конфликтов, обличали насильников и грабителей, защищали за крепкими монастырскими стенами. И повсюду волной катилась слава о Ключи и уверенность в том, что на земле мог существовать только один наместник Христа, папа римский, и любая мирская власть была и будет всегда ниже власти, данной Господом своей Церкви.

И лучше всего о силе и могуществе Ключи свидетельствовал строящийся собор. Цельность и сила здания словно возносили к небу праздничную молитву. Мощь, торжественность исходили от каждой колонны, от каждого камня горделиво возвышавшейся базилики, соперничавшей с проступавшей на горизонте горной грядой. Ступенчато-углубленный портал развешивал изумленному взору ленту библейских сцен. Пройдя его, гость словно из зыбкого, такого изменчивого и непостоянного мира попадал в незыблемое, непоколебимое и постоянное обиталище Бога, из ада переходил в рай. За стенами жизнь текла своим чередом, здесь

же время останавливалось. И слабый земной человек наконец мог почувствовать свое единение с другими и Господом, а Творец мог наконец созерцать свое творение, освобожденное от горестей, тяжести повседневного труда и паутины повседневности.

Ожье последовал за Ансельмом внутрь и присвистнул от удивления. Недавно законченный центральный неф строения был по-настоящему гигантским. Гость монастыря даже покачнулся от изумления. Первый раз в жизни он видел нечто подобное. Каменные своды поддерживались уходящими ввысь колоннами. Часть из них сияла только что законченной яркой росписью: порхали райские птицы, диковинные растения обвивали затейливой узорочью лица ангелов и фигуры святых. Он проследовал дальше. Внутри собора работа кипела около западной стены алтаря. Гийом был потрясен, картины Страшного суда представляли перед ним одна ужаснее другой. Омерзительные фигуры демонов с оскаленными мордами и красными глазами, лица грешников, на которых растерянность сменялась обреченностью и трагической безнадежностью. Мастеру до такой степени удалось передать мрак, зло проклятого места, отчаяние погибших душ и ождидавшие их вечные муки, что Ожье стало не по себе. Он с надеждой посмотрел на простиравшую руки фигуру Спасителя. Но глаза Христа смотрели сурово, и не прощение было в тех глазах. «Отпусти мои грехи и прости, пусть душа моя спасется и войдет в чертоги

Твои», – зашептал Ожье привычные слова молитвы, и сила этих слов придала трепещущей душе гостя монастыря уверенности. От него зависело спасение короля, наместника Бога, Града Небесного. И ничто не остановит его. Теперь он знал, что все грехи его будут прощены, ибо он всего лишь орудие в руках Господа. Ободренный этими мыслями, Ожье перекрестился. Страх отпустил, затаившись где-то в глубине души нежданного гостя монастыря Ключи.

В этот момент в унисон вступил мощный хор голосов. Радостная и торжественная мелодия заполнила все пространство. «Он вознесет тебя, чтобы ты наследовал землю» – восторженно возносилось к небу. И у слушавших не могло возникнуть ни малейшего сомнения в истинности послания, в исполнимости надежды, что в один прекрасный миг всякое тление уничтожится и очистится, и на месте этого темного и несправедливого мира возникнет новый, добрый и светлый. Мелодия была удивительной! У Гийома Ожье слезы выступили на глазах. Он никогда не слышал ничего подобного. «Старик не ошибся», – промелькнуло в его сознании. А значит, он явился сюда совершенно не зря.

Глава 2. Портрет хакера

Как ни странно, но Бодлер оказался вполне способен к мирному сосуществованию. То есть он буквально растворился в окружающем пространстве. С утра завтракал, не капризничал, ел что дают, даже удивлялся количеству и качеству пищи. Чувствовалось, что мальчика ни в детстве, ни в юности не баловали. Кроме того, в отличие от большинства своих современников хакер совершенно не чувствовал обязанности жаловаться на жизнь уже за завтраком. Потом устраивался со своими двумя только что купленными ноутбуками в малом салоне, надевал наушники и погружался в одному ему известную деятельность. Его до такой степени было не слышно, не видно, что сгоравшую от любопытства Настю это начало изрядно напрягать. После недолгого размышления рассказала не очень-то ее слушавшему хакеру о работах Сережи и своем участии в гранте. На лице Бодлера невежливое равнодушие быстро сменилось заинтересованностью, а потом и вовсе на нее посмотрели с уважением. Самое интересное, что Бодлер слышал о работах Воскобойникова. Минут пятнадцать разговора, и Алекс окончательно расположился к этой нестандартной русской, которая явно была частью его мира. Настя, не теряя времени даром, повернула беседу в нужное русло:

– Можешь мне поподробнее рассказать, что случилось в

тот вечер, когда убили твоего знакомого?

Хакер слегка напрягся:

– Гарик тебе не рассказал?

– Так, в общих словах, но хотелось бы узнать подробности.

– Я пообещал Гарику тебя не вмешивать.

– Я сама имею право решать, куда мне хочется вмешиваться, а куда нет.

Бодлер задумался. На его лице отразилась борьба противоречивых чувств, если слово «чувства» подходило к тому, что происходило в его мозгу.

– Ты права, – согласился он с доводом Насти.

– Раз права, тогда рассказывай, – потребовала она.

Кратко, без особых подробностей, хакер поведал вечер наблюдения за Магнусом, более обстоятельно остановился на разгроме собственной квартиры и на том, что кто-то проник в его компьютер.

– Понятно, ну а как продвигается расследование? – задала Настя следующий вопрос.

– Откуда я могу знать? – сделал невинный вид Бодлер.

– Конечно, – пожала плечами Настя, – по всей видимости, французская полиция компьютерами не оборудована, не говоря о том, что Интернетом они вообще не умеют пользоваться.

Бодлер усмехнулся, но сигнал воспринял правильно и упорствовать не стал:

– Убийство Магнуса обнаружили почти сразу: вернулась Ника, подруга Магнуса. Завели уголовное дело, выяснением обстоятельств занялась бригада по расследованию особо тяжких преступлений жандармерии Ключи. Следователя, который всем этим руководит, зовут Аристид Борель, опытный товарищ, местная знаменитость в своем роде: уже несколько громких преступлений раскрыл.

С этими словами Бодлер раскрыл на экране портрет следователя. Вздоха разочарования Настя сдерживать не стала. Борелю было хорошо за пятьдесят. За круглыми стеклами очков на нее смотрели такие же круглые глазки, лысина, крупные губы и ничем не выделяющийся нос. То есть в герою детективного романа он явно не годился.

– Тебе следователь не понравился, – констатировал Бодлер.

– Не замуж же мне за него выходить! – хмыкнула Настя.

– Тоже верно, – согласился хакер, – а мне он напоминает отца Брауна, помнишь сыщика-священника?

Настя усмехнулась, в наблюдательности ее собеседнику не откажешь, Борель действительно напоминал отца Брауна. Не хватало только черной шляпы и костюма англиканского священника.

– Согласна, действительно похож. Что еще полиции известно?

– Не путай полицейских и жандармов, – назидательно произнес хакер.

– Для нас какая разница? – пожалала она плечами.

– И действительно, – согласился Бодлер и продолжил: – Магнуса убили из огнестрельного оружия. Пистолет пока не нашли, поэтому и судебно-медицинская экспертиза на месте топчется. Опрос свидетелей тоже ничего не дал. Соседи толком ничего не видели, то есть никто супер-подозрительный с мешком с прорезями для глаз на голове по подъезду не бегал и пистолетом не размахивал. Потом, похоже, у следователя есть какая-то своя идея, но пока он ни с компьютером, ни с коллегами ею не поделился, скрытничает.

– И все? – разочаровалась Настя.

– Пока да. – Бодлер кивнул взлохмаченной головой.

Ноябрь 1147 года, аббатство Клуни, владения Французской короны

Санитарный брат Бернар, круглоголовый, невысокого роста, но плечистый и хорошо сложенный мужчина лет тридцати с лишним, прибыл на молитву с опозданием. Приготовление последнего бальзама заняло гораздо больше времени, нежели он рассчитывал, но и остановить процесс он не мог. Для бальзама потребовались редкие в этих местах соцветия горной арники. За ними приходилось отправлять посланников в Альпы, а потом долго и старательно высушивать, чтобы не потерять ценные свойства. Поэтому Бернар никак не мог себе позволить потерять столь ценный

для него продукт. Он исподтишка рассматривал прибывших. Санитарный брат был от природы любопытен и никоим образом не считал это грехом. Любопытство было для него даром Господним, именно оно помогало лучше познать творение Создателя всего сущего. Небольшие карие глаза монаха взирали на мир с неизменным интересом только явившегося в мир младенца. Все его занимало: жившие в монастыре и приходящие люди, залетные птицы, спешащие по своим делам муравьи, даже ободранный пес, неизвестно каким образом прижившийся на задворках его лазарета. Естественно, что новые гости аббатства сразу привлекли его внимание. Хотя паломников в аббатстве было хоть пруд пруди в любое время года, да и проезжих-прохожих было немало. Аббатство никому не отказывало ни в пище, ни в крове. Эти же отличались от всех. Стоявший рядом брат Иосиф шепотом рассказал ему, что мужчина повыше и постарше был известным на всю Европу теологом Гийомом Ожье. Его спутник помладше – Socius itineris, ученик Руфин Редналь. Оба приехали на встречу с Петром Достопочтенным, но, похоже, последний не был предупрежден об их приезде. И самое главное, прибыли они с какой-то особой миссией. Об этом Иосиф услышал случайно, официальной же версией был интерес Гийома к богатой библиотеке аббатства. Бернар слушал с интересом. Иосиф был кладезем информации в аббатстве. Маленький, с лицом, побитым оспой, прихрамывавший на левую ногу, монах обла-

дал редким талантом быть в курсе всего происходящего в монастыре. Каким образом ему это удавалось, оставалось загадкой. Бернар слушал шепот Иосифа и продолжал изучать прибывших.

Ему было известно, что учеба теологии длилась десятилетиями. Тот, кто намеревался проникнуть в святая святых этой науки, должен был обладать нечеловеческим упорством, хорошей физической выносливостью, острым умом и великолепной памятью. Послушник, желающий стать магистром теологии, сначала должен был несколько лет проучиться в собственном монастыре под руководством самых ученых монахов монастыря. Программа состояла во внимательном изучении трудов отцов Церкви, античных философов, в первую очередь Аристотеля и Платона, и современных теологов. После этого ему выбирался наставник, за которым он должен был следовать из монастыря в монастырь. Он становился *Socius itineris* странствующего монаха, постигая вслед за своим учителем всю мудрость, скрытую в богатых библиотеках монашеских обителей. Постепенно ученика допускали к участию в богословских диспутах, за ними следовали несколько лет изучения естественных наук и логики. После долгих лет ученичества он уже сам становился наставником и мог выбирать, в свою очередь, собственного *Socius itineris*. И только после долгих лет странствий он мог претендовать на звание магистра. Поэтому неудивительно, что новоявленному магистру было

уже за сорок, а сопровождающему его помощнику не меньше двадцати пяти лет.

В этот момент молитва закончилась, и монахи гуськом покинули собор. С гостями остались лишь аббат, приор Бенедикт и кантор аббатства брат Гонориус. На строгом лице аббата было написано некоторое раздражение. Был ли ему неприятен гость или теолог принес тягостную новость? Брат Гонориус, наоборот, был явно воодушевлен и радостен. Приор же сохранял на лице маску учтивости и холодности. Но дальше оставаться в капитуле для Бернара было неприлично, поэтому он развернулся и поспешил в свой лазарет. Дел на сегодня хватало, поэтому приезд неожиданных гостей быстро вылетел из его головы. Сначала занялся каменщиком и его помощником, которые разодрали в кровь ноги и руки, упав со строительных лесов. К счастью, обошлось без переломов. Но такие раны могли оказаться опасными, и поэтому Бернар, не жалея горячей воды и уксуса, старательно промыл глубокие царапины, наложил бальзам собственного изготовления и забинтовал полотняными полосками. Потом привели поваренка, сына вольнонаемного работника, который обварился кипятком. Следом пришел черед брата Стефана, заболевшего горячкой и метавшегося в бреду. Правда, с этой задачей очень хорошо справлялся ученик Бернара Мартин, коротенький пухленький юноша с приветливой улыбкой на круглом лице. Он уже обтер больного холодной водой и отпаивал настоем из корней сельде-

рея. Ему помогал вездесущий брат Иосиф, часто заходящий в лазарет справиться о здоровье больных. Бернар подумал, что христианское внимание к ближнему хромого монаха было всего лишь одним из способов сбора информации. Но, взглянув на счастливое выражение лица Иосифа, тут же устыдился собственного злоречия. Санитарный брат обошел оставшихся больных, трех глубоких старцев, которые доживали свои последние дни. Монахи лежали прямо, уставив в потолок невидящие глаза, и ни на что уже не жаловались, а просто ждали. Бернар напоил двоих лежащих соком из плодов боярышника и настойкой из корней девясила, третий же, брат Одилон, слабым движением руки отказался. Санитарный брат настаивать не стал, выбор был правом каждого. Теперь следовало посвятить время тем, кто окончил свой земной путь. Приготовление к последнему пути умерших тоже входило в обязанности Бернара. Он отправился к северной стене, где в полуподземном строении, примыкающем к самой старинной церкви монастыря, располагалась мертвецкая. На пороге его поджидал глухонемой Поль, вечный послушник, так и не принявший монашеский сан. Огромного роста, с запавшими внутрь глазами и рыжей щетиной детина обладал нечеловеческой силой, был, как собака, предан настоятелю и не чурался никакой работы. Поль промычал нечто, похожее на приветствие, и потянул Бернара внутрь. Похоже, его ждали. К удивлению санитарного брата, внутри находились уже двое: сам на-

стоятель и отец-госпиталий. Они стояли рядом с телом умершего бродяги, подобранного сегодня утром в близлежащем лесу поденными работниками, и молились. Высокий и худой, как палка, Ансельм стоял несколько позади. Аббат, в последнее время как-то неожиданно и незаметно состарившийся, находился рядом с каменным помостом. Лица их были серьезны и даже печальны.

– Вы его знали? – вырвалось у Бернара.

– Нет, – покачал головой настоятель.

Говорил он спокойно, но было видно, что эта холодность показная. Ансельм, тот и вовсе нервно теребил руками четки и глядел куда-то в сторону.

– Тебе известна причина смерти?

– Удар по голове сзади, в последнее время в округе стало беспокойно, разбойники пошаливают.

– Разбойникам нужна добыча, какой им толк от бездомного бродяги? – резонно возразил Ансельм.

Аббат кивнул в знак согласия.

– Может быть, потасовка, со своими подрался? – выдвинул новую гипотезу Бернар.

– Или убийство? – непонятым тоном произнес Ансельм.

Бернар только пожал плечами в ответ. Бродяга был никому не известен, и, честно говоря, санитарный брат совершенно не представлял себе, какой толк от их предположений. Разыскивание убийц в их обязанности не входило. Конечно, аббат обладал правом судьбы, правом наказывать и

миловать. Однако от этой роли Петр Достопочтенный не испытывал никакого удовольствия и чаще всего перепоручал эти функции приору.

– Нуждаешься ли ты в чем-то? – неожиданно спросил настоятель.

– Нет, – еще больше удивился Бернар, как-то не привыкший к вниманию аббата. Того всегда больше интересовали строительство базилики, о которой уже шла слава по всему христианскому миру, и другие, более важные и значительные, нежели его лазарет, дела.

– Мы все в чем-то нуждаемся, мой брат, – заметил грустно Петр Достопочтенный и, перекрестив покойника, направился к выходу.

* * *

У Бодлера явно были какие-то тайны. Настя наблюдала за гостем, отмечая некоторые странности в его поведении. Если слово «странности» вообще могло подходить к этому необычному субъекту. Дала себе слово присмотреться по-подробнее после прогулки по магазинам. Вернулась к Гаррику, упаковала покупки и с деловым видом устроилась в малом салоне. Дождалась, пока Бодлер утратит бдительность, и незаметно придвинулась так, чтобы видеть происходящее на экране его компьютера. Открытие ее не разочаровало. Алекс просто-напросто шпионил за кем-то. Так как происходящее

на экране не походило ни на видеоигру, ни на художественное и документальное кино. Она встала и решительным шагом подошла к хакеру, тот быстро свернул картинку.

– Поздно, мой дорогой! – заявила она. – Хватит играть в прятки, открывай!

Тот со вздохом повиновался. Она с интересом уставилась на экран, на котором в шести оконцах происходили разные интересные действия.

– Это что еще?

– Камеры наблюдения в загородном доме де Вельтэнов, – просто пояснил хакер.

– А ты к ним подключился, если я правильно поняла?

Бодлер только кивнул.

– У них что, нет никакой защиты?

– Есть, конечно, очень хорошая защита.

– Не такая хорошая, если ты смог к ней подключиться.

– Я и пентагоновскую взламывал, – скромно заметил компьютерный гений.

Настя с уважением посмотрела на Гарикова гостя. Некоторые ее знакомые, тоже не новорожденные в виртуальном пространстве, о пентагоновской даже и не мечтали. Алекс взгляд Насти истолковал правильно и окончательно расположился к этой необычной русской.

– Недавно закончились похороны Магнуса, – пояснил он, – я записал, если хочешь.

Настя от приглашения Бодлера не отказалась. Ощущение

у нее было странное, но моральных вопросов в стиле «тварь ли я дрожащая или право имею?» задавать себе не стала. Приоритеты на этот момент у нее были совсем другими. Поместье де Вельтэнов было очень даже симпатичное. Не замок, конечно, но хороший господский дом, что-то вроде родовой усадьбы с большим трехэтажным центральным строением со стрельчатыми окнами и двумя башенками по сторонам. Явный стиль «новой готики», когда в начале XIX века победившая буржуазия заностальгировала и обратила свои взоры в прошлое. Средние века показались тогда романтичными: там были «прекрасные дамы», мужественные рыцари, вдохновенные монахи, загадочные алхимики и прочий мистический люд, не то что окружавший их рациональный и торговый XIX век, вот и понесла косая в щавель. Видимо, эта мода не обошла стороной и предков Вельтэна.

Кино на экране было немым, но по расстановке ролей она догадалась, кто был кем. Вельтэна хоронили в фамильном склепе. Прямо за гробом шла мать, представительная дама лет пятидесяти-шестидесяти в черном одеянии, в покрое которого явно чувствовался фирменный знак одного из парижских домов Высокой моды. Возраст определить было трудно, женщина была ухоженной, даже траур не оставил особого отпечатка на холеном лице с негромким макияжем. Отец держался в сторонке, пара скорее всего была разведена. Рядом шел младший брат Вельтэна. Он явно был в шоке, не стеснялся своих слез и судорожно сжимал край гроба, словно не

желая отпустить того, к кому был так привязан. Дальше двигались все остальные – родственники, друзья и, смешавшись с толпой, Ника, подруга Вельтэна. Ее почему-то не допустили в первый ряд. Она была бледной, под глазами прочно залегли черные круги, но выражение лица было решительным и даже каким-то отчаянным.

Насте стало слегка не по себе, медленное, наполненное печальным смыслом действие разворачивалось перед ее глазами. Отсутствие звука и почти черно-белые тона придавали ему какой-то особо зловещий оттенок. Она стала прокручивать. Тем более внутри склепа камер не было и смотреть дальше было незачем. Правда, через какое-то время, обстановка изменилась. Бодлер, по всей видимости, переключился на камеры внутреннего наблюдения. «Безопасность в доме Вельтэнов была на высоте», – хмыкнула она про себя. И на этот раз в центре действия был огромный салон, в котором остались только самые близкие. Они сидели полукругом, и прямо перед ними помещался один, одетый с иголки мужчина. Он читал какой-то документ. Лица окружающих были напряженными. В один момент с места вскочила мать, вмиг потерявшая весь свой лоск. Она обратила свое лицо к сидевшей тут же Нике и начала что-то говорить. Ника отвечала, и по лицам было заметно, что этот разговор был чем угодно, но только не обменом любезностями. Затем в разговор вмешался отец, заспоривший и с матерью, и с Никой. Наконец, вскочил брат и явно закричал на всех окружа-

ющих. Следом юноша выскочил из комнаты, но спор на этом не закончился. Мать даже схватила Нику за руку, та руку выдернула, но не отодвинулась, с вызовом поднимая лицо. Элегантно одетый мужчина в разговор не вмешивался, просто сидел, почти не двигаясь и наблюдая за сварой. Правда, спокойствие его было показным, желваки ходили ходуном, а руки нервно теребили уголок конверта.

– Завещание читают, – сообразил Бодлер.

– Тебе известно его содержание?

– Откуда? – пожал плечами компьютерный взломщик.

– В самом деле? – лукаво заглянула в старательно отводимые глаза напротив Настя.

– Я же не нотариус.

– Как ни странно, но я тебе не верю, – улыбнулась она.

– Ну, так, в общих чертах, – протянул хакер.

– И они какие, эти общие черты?

– Большую часть своего состояния Вельтэн поделил между Никой и братом, а родителям – шиш.

– Давай-ка поподробнее, и не тяни, рассказывай все как на духу.

– Как? – не понял Бодлер дословно переведенное на французский русское выражение.

– Как на исповеди, и не тяни волюнку.

Бодлер вздохнул и с видом невинной жертвы женского насилия начал. Правда, чем больше он говорил, тем сильнее

ему нравилось посвящать Настю в подробности жизни Эдуарда де Вельтэна. Родители Магнуса развелись достаточно давно. Развод был логичным, отец с матерью жили как кошка с собакой, но общие интересы продержали семью на плаву около пятнадцати лет. Дело кончилось громким выяснением обстоятельств и не менее громким разделом имущества. Суд да дело, но только эта история изрядно разочаровала деда Магнуса по отцовской линии – Пьера де Вельтэна. Дед был человеком богатым, в свое время владел «унитазным», как выразился Бодлер, предприятием, иначе говоря, заводом по производству фаянса. Но его единственный сын, отец Магнуса, семейное дело продолжать отказался. Пьер де Вельтэн вида не показал, завод продал международному концерну, но обиду затаил. Поэтому после собственной смерти завещал свое немалое состояние внукам: Эдуарду и его брату Роберту, а собственному сынуле показал кукиш с того света. Получается, что Магнус был человеком богатым, и разочарование родителей понять было можно. Тем более, согласно бодлеровским сведениям, денежное состояние непосредственных предков Бодлера было стеснительным. Жить оба привыкли на широкую ногу и основательно залезли в долги. Источником подобной осведомленности Настя интересоваться не стала. И без объяснений Бодлера все было понятно. Зато ей стало известно следующее: у четырех участников только что просмотренной черно-белой пантомимы был повод избавиться от Магнуса. Вывод был, несомненно, цинич-

ным, любой нормальный человек тут же возразил бы моей героине, что мать и отец потеряли сына, брат брата, а Ника возлюбленного. А сводить все к деньгам аморально и бесчувственно. В другой ситуации Настя, несомненно, согласилась бы с этим нормальным человеком, но на данный момент ее интересовала не мораль, а жертва недавно совершенного преступления. И любая гипотеза заслуживала более подробного изучения.

Ноябрь 1147 года, аббатство Клюни, владения Французской короны

Санитарный брат закончил с омовением тела бродяги и с удивлением покачал своей круглой головой. Погибший явно совсем недавно начал вести подобный образ жизни. По всей видимости, раньше он не бедствовал и принадлежал если и не к высшему, то к торговому или ученому сословию. Что же такого произошло в жизни этого человека? Впрочем, на все воля Божья, жизнь человеческая была чередой подъёмов и падений, и каждый приходил в этот мир нагим и нагим уходил из него, кому, как не Бернару, это было известно. Санитарный брат продолжил омовение. Однако мысли о странностях судьбы умершего не покидали любопытного инфирмариуса. Так повелось в монастыре, что Бернар был не только санитарным братом. За ним закрепилась слава человека, умеющего распутать любую запутанную ис-

торию. Ведь кто, как не он, смог вывести на чистую воду похитителей драгоценного ларца, подаренного монастырю матерью герцога Бургундского. Затем к послужному списку Бернара прибавилось расследование гибели одного из монахов монастыря, в которой обвинили разбойников, но виновным оказался торговец из соседнего городка. Инfirmариус Ключийского братства привык не только задавать вопросы, но и находить на них ответы, какими бы трудными они ни были. Хотя на данный момент времени на размышления у Бернара не осталось. Надо было возвращаться в лазарет. На обратном пути Бернара окликнул кантор Гонориус, высокий, худой, как палка, юноша, младший сын одного из вассалов Сайвойского короля. Гонориус давным-давно смирился, что единственной жизненной дорогой, предоставленной ему судьбой, было монашество. Нужно сказать, что у этого выбора были многочисленные преимущества. Воин из Гонориуса был никакой, зато у него был великолепный голос, бархатный, хватающий за душу, и хороший музыкальный слух. Поэтому стоило молодому послушнику запеть, как он сразу снискал всеобщее уважение. И неудивительно, что уже через несколько лет после пострига он занял место брата, отвечающего за монашеские песнопения. Но последнее время Гонориуса стали беспокоить боли в горле, и кантор не раз обращался к Бернару за помощью. Главной его драгоценностью был голос, и потерять его было настоящей катастрофой для молодого человека. Вот и на этот раз

он стал подробно выспрашивать санитарного брата, какие снадобья могут ему помочь. Бернар пообещал приготовить Гонориусу найденный им недавно в одном из старинных лечебников рецепт из липового меда, мальвы, аниса и гвоздичного дерева. Успокоенный Гонориус с облегчением произнес:

– Благодаря Господу я могу рассчитывать на твою помощь, а то все так не вовремя! – всплеснул он руками с несколько театральным жестом отчаяния.

– Что – болезнь? – переспросил Бернар.

– Конечно, я так волнуюсь, как бы не ударить в грязь лицом перед такими серьезными гостями!

– Какими?

– Перед Гийомом Ожье, конечно!

– Важная птица, особенно теолог, – кивнул Бернар.

– Еще какая важная! – вырвалось у Гонориуса.

– А цель их приезда тебе известна?

– Древние тонарии.

– Певческие книги?

– Вот именно, – подтвердил кантор и с воодушевлением добавил: – Поразительно, не правда ли?

– Чего же такого в этом удивительного?

– Ими давным-давно ни одна живая душа не интересовалась, и вдруг меня просят петь по ним, как в древние времена.

– Ты способен расшифровать их?

– Способен, брат мой, еще как способен, – горделиво про-

изнес юноша, – меня этому научил в свое время брат Одилон.

Бернар кивнул: брат Одилон, один из трех старцев, покорно ожидавших смерти в его лазарете, был известным всему христианскому миру знатоком древних песнопений.

– Пусть Господь поможет тебе, и не волнуйся, о боли в горле ты забудешь уже через пару дней.

Успокоенный и воодушевленный, Гонориус поспешил в часовню Св. Альбана, где обычно занимался пением. Тем более на сегодня и на последующие дни его освободили от всякой хозяйственной работы, чтобы он мог сосредоточиться на своей главной обязанности. Бернар поспешил в лавариум, ему срочно нужны были свежие повязки. До капитула оставалось не так уж много времени, а дел было невпроворот.

Капитул начался по заведенному порядку. После молитвы приор Бенедикт нудным голосом затянул чтение. На этот раз он выбрал обвинительное пророчество Исайи. Но весь его пыл не производил никакого впечатления на аббата. После брат-келарь Филомел, главный администратор и эконом монастыря, привлек внимание монахов к двум вопросам: проблеме взимания дорожной пошлины с прилегающей к монастырю дороги и необходимости покупки мельницы. Завязался спор между келарем и вездесущим приором, для которого покупка мельницы вовсе не была приоритетом. Зато он обвинил брата Филомела, что тот отказал ему в покупке редкой рукописи жития святого Бенедикта. Келарь

спокойно изложил свои аргументы, говоря о том, что мельница им на данный момент важнее. А житие святого покровителя приора (на этом было сделано многозначительное ударение) они могут купить, если хорошо организуют сбор дорожной пошлины. Бернар внутренне усмехнулся, отдав должное хитрости келаря. Но аббат слушал рассеянно, пообещав спорщикам подумать и решить. После наступил черед провинившихся братьев каяться. На этот раз досталось брату Иосифу, заснувшему на утренней мессе. Но и на этот раз аббат ни на что не реагировал. Петр Достопочтенный был погружен в свои думы, и как ни витийствовал приор, призывая всяческие кары на голову Иосифа, аббат только махнул рукой, пожурил провинившегося и наказание объявил самое легкое. Было явно видно, что аббат был не в своей тарелке. Тревожные вести или проблемы внутри монастыря? Ответа на этот вопрос у Бернара не было. На его взгляд, в монастыре все шло своим чередом. Утренняя месса сменялась трудами, за полуденными молитвами следовала трапеза. Поля дали богатый урожай, вино удалось на славу, не прерывался дружный поток паломников и дарителей. Собор рос не по дням, а по часам, превосходя красотой и размерами все существующие обители Господа на земле. А то, что происходило за стенами монастыря, волновало его гораздо меньше. Задумавшегося санитарного брата нагнал брат Иосиф. Его побитое оспой лицо светилось от облегчения, даже ногу приволакивал меньше.

– Слава Господу, сегодня аббату было не до меня! – радостно произнес он.

– Это точно, – согласился Бернар, прекрасно знавший, что заснувших на мессе монахов обычно ожидало гораздо более строгое наказание, чем три дня на хлебе и воде. Иосиф явно легко отделался.

– Тебя что-то беспокоит? – От внимательного глаза Иосифа ничего не укроешь.

– Нет, как с утра мигрень разыгралась, так никакого спасу нет, – отмахнулся Бернар, посвящать любопытного монаха в свои мысли он не собирался.

Его собеседник доверительно затараторил:

– Всем известно, дорогой брат, что от мигрени нет лучшего средства, чем вода в святом ручье в среду на Страстной неделе. Ее надо почерпнуть новой посудой, ни разу не бывшей в употреблении, когда колокола звонят вечерню, потом до заутрени перекрестить воду трижды и облиться этой водой с головы до ног. И мигрень снимет как рукой!

– Это суеверия, – проворчал Бернар, он считал себя человеком просвещенным и в подобную ерунду не верил. Он попытался было продолжить свою дорогу, но от Иосифа так просто не отвяжешься.

– Зато нашего аббата точно что-то беспокоит! – доверительно прошептал он.

– И ты знаешь, что? – На этот раз санитарный брат никуда не торопился.

– Не что, а кто! – торжественно произнес монах. – Наши гости, теолог с учеником.

– Опять подслушивал, – улыбнулся Бернар, – поймают тебя, месяц будешь на хлебе и воде сидеть, а то и розог попробуешь!

– Никого я не подслушивал! – возмутился Иосиф. – Да только они так громко говорили, что любой имеющий уши услышит!

«Твои уши шорох летучей мыши различат!» – подумал про себя Бернар, но вслух произнес другое:

– Я ни в чем не обвиняю тебя, брат. И почему наши гости беспокоят аббата?

– Потому что они явились за одной магической книгой. Аббат им сказал, что книга та не существует, только Ожье с учеником не поверили!

– Книгой? Какой? Брат Гонориус мне говорил о тонари-ях, – удивленно переспросил Бернар.

– Тонарии – это так, для отвода глаз! Что в них, этих невческих книгах, может быть такого таинственного: *Ut queant laxis* (нота «до»), *Resonate fibris* (нота «ре»)… – презрительно отмахнулся рукой Иосиф, продемонстрировав знание музыкальной грамоты. – Точно я не услышал, да только у меня своя идея есть! Наверняка что-то вроде «Вечного Евангелия»!

Бернар покачал головой. О «Вечном Евангелии» слышал отрывками и не всегда верил услышанному. О нем рассказы-

вали монахи шепотом и оглядываясь. Если ненароком услышат, могли обвинить и в ереси. Нахлынули воспоминания. В первый раз о «Вечном Евангелии» он услышал от своего наставника, брата Иоанна. Тогда Бернар был молод, горяч, наивен и самоуверен. Молодому послушнику казалось, что мир прост и черно-бел, добро легко отличить от зла, а хорошего человека от плохого, истинного христианина от еретика. Вся правда-истина была для него рассказана в Евангелиях, и достаточно было следовать Новому Завету, чтобы после смерти оказаться в раю. Брат же Иоанн был глубоким стариком и в один день в ответ на самонадеянные рассуждения Бернара загадочно произнес, что не всякий текст может быть понятен читающему. «Возьми Евангелия, мой юный брат, ты думаешь, в них заключается последняя истина?» Тогда Бернар только застыл в испуге. Неужели старый и уважаемый монах был еретиком? Иоанн посмотрел на молодого послушника и только улыбнулся, словно прочитав его мысли:

– Ты боишься, Бернар?

Тот не знал, что ответить.

– А ты не бойся, не страшись думать! Нет никакого преступления в том, чтобы ставить под сомнение все известное. Сам Господь наш, Иисус Христос, сомневался.

– Нам всегда говорили, что Евангелие – это последнее послание перед Страшным судом.

– Нет, мой брат, Новый Завет – это всего лишь вступи-

ление к настоящему Божественному посланию. Он написан тем языком, который может понять человек, живущий в нашем мире. Иначе и быть не может, Господь мог поведать только то, что мы могли понять, брат мой.

Иоанн тогда остановился и замолчал. Слова его непонятной, но чудесной музыкой звучали в голове Бернара. С одной стороны, ему было страшно, а с другой – все это увлекало и тянуло в неведомую даль.

– И в мире есть другое, «Вечное Евангелие», – продолжил тихим голосом Иоанн, – повествующее о высших истинах, но понять его могут только особые, посвященные в тайну люди. Церковное предание учит, что Писания даны были Святым Духом и имеют не только открытый, ясный большинству смысл, но и другой, скрытый, и постигнуть его сможет только тот, кому подается благодать Святого Духа в слове премудрости и знания. Спаситель не хотел, чтобы люди недостойные, злые или завистливые знали тайны и поэтому все говорил в притчах. Спасение не может быть уделом каждого.

«Истинное спасение не может быть уделом каждого!» – повторил про себя Бернар. Сейчас эти слова обрели в его голове новый, непонятый ранее смысл. Тем временем Иосиф дернул его за рукав. Оказывается, любопытный монах уже перескочил на другую тему:

– И еще одно: из их слов я понял, что бродягу, убитого в лесу, они знают и его смерть их беспокоит еще больше! – с

этими словами Иосиф развернулся и заковылял в сторону, и только в этот момент Бернар вспомнил, что так и не спросил, а кто же был собеседником аббата.

Глава 3. Интриги самозванцев

Гарик вернулся на этот раз с работы пораньше. На его приход ни Настя, ни Бодлер не обратили ровно никакого внимания. Он насторожился. Его гости все больше стали походить на что-то затевающую дружную парочку. Что-то они слишком быстро нашли общий язык.

– У вас вид двух заговорщиков, – констатировал он.

– С чего ты взял? – пожалала как ни в чем не бывало плечами Настя, Бодлер же уставился с виноватым видом в пол. «Вот болван, врать не умеет!» – пришла к грустному выводу Настя. Гарик тем временем закипал электрическим чайником, то есть быстро и шумно.

– Вы меня за кого держите, за полного идиота? Выкладывайте, что задумали!

– Ничего особенного мы не задумали, – с невинным видом ответила Настя.

– Бодлер! Я тебя как облупленного знаю, раскалывайся! – обратился к слабому звену Гарик.

Алекс вздохнул:

– Просто собираем информацию о Магнусе.

– Понятно, в детективов играете! Я же просил Настю в это дело не вмешивать!

Обычно покладистая Столетова возмутилась:

– Перестань обращаться со мной как с ребенком, я как-

нибудь сама разберусь, куда мне вмешиваться, а куда нет!

Не ожидавший отпора Гарик благоразумно отступил:

– Это может быть опасным.

– Что может быть опасным? Собирать информацию о прошлом Вельтэнов по генеалогическим сайтам? – кипятилась Настя.

– А поподробнее можно? – более мирным тоном попросил Арутюнян.

Настя быстро сменила гнев на милость и ввела Гарика в курс дела. После просмотренной картины похорон Магнуса и чтения завещания Насте и Алексу захотелось узнать побольше о семье погибшего. Надо же было с чего-нибудь начинать. Бодлер отправился на добычу архивной информации. Благо дело, большинство архивов было нумеризировано. Настя же решила побродить по генеалогическим сайтам: чем черт не шутит, может быть, в семье Вельтэнов были любители генеалогии.

Через пару часов напряженного труда стала вырисовываться интересная картина. Во-первых, де Вельтэны оказались самыми заурядными самозванцами. То есть приставку «де» приставил к собственной фамилии пра-пра- и далее прадед Магнуса почти сразу после реставрации старого режима в 1828 году. И буржуа Пьер Вельтэн, занимавшийся строительством доходных домов в Лионе, самолично «обаристократился». Никто возражать не стал, и постепенно прижилось. Но еще раньше произошло следующее: камень

для постройки загородного дома де Вельтэны взяли не где-нибудь, а на развалинах монастыря Клюни. Правда, в этот момент развалины еще были не слишком развалившимися, но пра...прадеда эта проблема несколько не интересовала. Время было революционное. Религия, как и полагается, была опиумом для народа, да еще поддерживала королевскую власть. Плюс ко всему монахов толком в монастыре не было: то ли мода прошла, то ли революционеры руку приложили. Так и превратился знаменитый монастырь в заурядную каменоломню. Этот факт следовало взять на заметку.

То есть конец XVIII и весь XIX век пошел Вельтэнам на пользу. XX оказался менее успешным. После Первой мировой войны семья разорилась: неудачные капиталовложения, биржевой крах, чуть не пошли по миру. Правда, в случае Вельтэнов это звучало несколько иначе: чуть не продали фамильный дом, тот самый, построенный из камней легендарного монастыря. После Второй мировой полегчало. Фаянсовый завод деда Эдуарда разросся, он выиграл несколько государственных заказов на обустройство ванн и туалетов дешевого жилья на окраинах Лиона, Дижона, Марселя и еще нескольких городов юго-западной Франции.

– Спасибо за историю, только какое отношение она может иметь к убийству Магнуса? – задал логичный вопрос Гарик.

– Пока не знаем, – ответила Настя.

– То есть никакого скелета в шкафу или старинной вендетты?

– Скелет, он на то и в шкафу, чтобы его никто не видел, – резонно заметил Бодлер.

– Согласен, хотя лучше бы ты, не теряя времени, вышел на ваших общих знакомых. Может быть, им известно что-то интересное.

Хакеру было явно не по себе. Общение с обычными представителями человеческого рода не входило в разряд его любимых занятий.

– У нас общих знакомых почти нет.

– Вы вместе учились, – напомнил Арутюнян.

– Подумаешь, учились, всего год.

– Мы с тобой тоже всего один год вместе учились, – не отставал Гарик.

– Гарик прав, – вступила в разговор Настя, – чем больше информации, тем лучше.

Бодлер, поняв, что остался в одиночестве, с обреченным выражением на лице потянулся к мобильнику.

– Назвался сыщиком, смирись, – хмыкнул Гарик.

Алекс только глазами сверкнул. Тем более найденный им общий приятель Патрик на сообщение отозвался без промедления. Гибели Магнуса удивился и искренне расстроился. Но общение с ним оказалось малопродуктивным. Эдуард обращался к нему несколько раз, в основном за советами в капиталовложениях. Патрик работал в инвестиционном банке Ротшильдов. Единственный факт привлек внимание троицы. Де Вельтэн однажды попросил приятеля навести справ-

ки о Вальтере Дильсе. Патрик просьбу выполнил и лишних вопросов задавать не стал, традиционная сдержанность банковского работника обязывала.

– И что это за птица? – поинтересовался по молчаливому приказу Гарики Бодлер.

– Вальтер Дильс? Интересная личность, владелец компании Дильс & К, основной вид деятельности – консалтинг, но активно вкладывают деньги в новые технологии, кроме того, Дильс – один из членов совета директоров крупнейшего испанского банка «Сантандэр».

– И, как полагается, основной офис компании находится в какой-нибудь офшорной зоне?

– Абсолютно нет, Дильс один из основателей фонда, занимающегося пропагандой морального бизнеса, то есть необходимости смены ценностей, внедрения этических основ, благотворительной деятельности и т. д. Поэтому и офис компании находится в Испании, в Сантандэре, и от налогов компания не укрывается, активно вкладывает деньги в образовательные проекты.

– А какое отношение к этому всему имел Магнус? – продолжил свои расспросы Бодлер. Голос у него был бодрым и заинтересованным, но на лице было написано настоящее страдание, чтобы неугомонный домовладелец со своей подружкой поняли, на какие жертвы он вынужден идти ради них. Впрочем, Гарику с Настей до страдания Алекса дела не было ровным счетом никакого. Вернее, наоборот, оба были увере-

ны, что этому социопату полезно пообщаться с себе подобными. Вот такое жестокосердие! Правда, в их защиту следует заметить, что Патрик в отличие от Бодлера разговору искренне радовался и закончить его не торопился.

– У Магнуса с Дильсом был какой-то совместный проект. Что за проект, не знаю, но имел какое-то отношение к новым технологиям или какому-то изобретению. А почему тебя это интересует? – наконец спохватился студенческий приятель Бодлера.

– Да так, он совсем недавно вышел на меня, но толком поговорить мы не успели, а тут эта смерть! У меня все это никак в голове не уложится! – На этот раз Бодлер был даже искренним.

– Ты прав, бедный Магнус, кто бы мог подумать! Думаешь, ограбление?

– Понятия не имею.

Разговор продолжился высказыванием различных гипотез, одна фантастичнее другой. Настя тем временем набрала в компьютере имя Вальтера Дильса, показала Гарику. Личность действительно оказалась неординарная, если не выдающаяся. То есть из толпы явно выделяющаяся. Несмотря на имя, ничего арийского в Вальтере Дильсе и в помине не было. Родом он был из Аргентины. Индейского мальчика из племени аймара усыновили Гертруда и Нильс Дильс. Они работали в посольстве Федеративной Республики Германии в Буэнос-Айресе, детей у них не было. До двенадцати лет

Вальтер жил в Аргентине, потом родителей отправили в Австралию, и, в конце концов, в Париж. Там Нильс вышел на пенсию и окончательно поселился в Нормандии. Вальтер с блеском окончил лицей, так же беспроblemно прошел конкурс в Национальную Высшую школу искусств и ремесел, ту же самую, которую двадцатью годами позже окончил Эдуард де Вельтэн. Уже в Высшей школе Вальтер начал заниматься бизнесом. Несмотря на разницу в возрасте, в факте знакомства Вальтера и Эдуарда ничего удивительного не было. Национальная Высшая школа искусств и ремесел была знаменита своей взаимопомощью между разными поколениями студентов. Поступая в это заведение, ты принимался в настоящую семью, которой должен был принадлежать до конца жизни.

– Хорошо было бы найти способ пообщаться с этим Вальтером Дильсом, – задумчиво произнес Гарик.

Друзья стали разбирать возможные варианты знакомства с вышеозначенным персонажем. Правда, ни одного сносного пока не находили. Дильса было решено оставить на потом и сосредоточиться на жизни Эдуарда де Вельтэна.

Ноябрь 1147 года, аббатство Клуни, владения Французской короны

На время после полудня в монастыре сегодня назначили диспут. Это было знаком уважения к учености и сану го-

стей монастыря. Однако вопреки обычаю основным собеседником в диспуте с Петром Достопочтенным был не выдающийся теолог, а его ученик. Перед началом Ожсье смиренно спросил настоятеля, не видит ли тот чего-либо оскорбительного в том, что роль основного протагониста Ожсье уступит Руфину. Мол, это вовсе не знак неуважения к аббату, а желание дать возможность талантливому ученику стать вровень со своими учителями. Петр Достопочтенный никакого неудобства в этом предложении не увидел, и диспут начался.

Основной темой стало следующее: можно ли вывести и Творение, и Воплощение, и Спасение из хорошо известных слов из Евангелия от Иоанна: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог»? Если тема была доступна, то все последующие рассуждения нагнали такого тумана, что Бернар уже решительно ничего не понимал. Сначала, правда, он пытался следить за горячей полемикой ученика теолога и настоятеля, но постепенно свои попытки оставил. Хотя заключение ему понравилось и оказалось как нельзя более ясным и вполне применимым к практической, реальной стороне жизни. Участники пришли к выводу, что как ни крути, а душа человеческая не некая вечная субстанция, застывшая раз и навсегда в подвижничестве или грехе, а подвижная, изменчивая сущность, способная развиваться от состояния грехопадения через заблуждение и гордыню к поиску истины и раскаянию. И именно это движение ду-

ши приводит ее к искуплению и спасению. Следом участники диспута помолились, благодаря Всевышнего за то, что прояснил их запутавшееся сознание и показал дорогу к истине. На том первая встреча теолога и аббата закончилась. Гийом Ожье казался удовлетворенным, Руфин же сиял от предоставленной ему чести. Аббат поднялся и первым направился к выходу. В этот момент к нему подошел Ансельм и что-то горячо зашептал на ухо. Настоятель помрачнел и заспешил вслед за братом-госпиталием. Теолог с учеником последовали за аббатом. Бернар отправился в госпиталь. По дороге заметил Гийома Ожье, беседующего с хромоногим Иосифом. Вид у Ожье был довольным, явно болтливый брат выдал какую-то важную информацию. Иначе и быть не могло, тем более вид у Иосифа и в самом деле был встревоженный и даже испуганный. «Попадет тебе однажды за твою словесную несдержанность, мой брат!» – вздохнул про себя Бернар и хотел было продолжить свой путь. В этот момент его окликнул теолог, а Иосифа и след простыл. Санитарный брат обернулся. Гийом Ожье не торопясь подошел. Вообще теолог расхаживал по монастырю, как по собственной вотчине, его высокая и мощная фигура выделялась в толпе спящих монахов, как королевский корабль среди мелких лодчонок. Даже грубая коричневая ряса, подпоясанная перекрученной веревкой, не нарушала этого впечатления. Впрочем, при свете дня она не казалась такой уж грубой, а к веревке был подвешен изящный, вышитый золо-

том кошель, приличествующий больше рыцарю или богатому торговцу, нежели монаху.

– Вас привлек наш диспут, – обратился тем временем Ожье к Бернару, – я наслышан о ваших талантах врачавателя, мой брат, и с искренним восхищением отношусь к вашему нелегкому труду, ибо кто, как не вы, являете миру образ Христа, пришедшего послужить миру с милосердием и терпением.

Бернар был приятно удивлен. Его скромная персона заинтересовала такого ученого мужа.

– Мне интересно было бы посетить ваш лазарет, брат, и, возможно, мои скромные знания смогут помочь страждущим.

Бернар отказать не посмел. По дороге к ним присоединился Руфин Редналь. Как ни странно, но Ожье оказался сведущ в медицине и уходе за больными. Было видно, что он привык к виду ран, страдания и смерти. Его рассуждения о лекарствах, о новых методах кровопускания, его полезности в одних случаях и крайнего вреда в других были более чем интересными.

– Вы хорошо осведомлены, брат! – не сдержал собственного удивления Бернар. – Вам приходилось лечить больных? – Судьба наша непредсказуема, инфирмариус.

Руфин в отличие от собственного наставника к виду крови и язв был явно непривычен. Когда его учитель открыл повязку одного из пациентов Бернара, серьезно повредившего

себе ногу, он побледнел и торопливо отвернулся. Потом, застеснявшись собственной реакции, глубокомысленно произнес:

– Я читал, что затягиванию ран способствует Божественное пение. Например, если больной меланхолического темперамента, то нет ничего лучше псалма 23: «Господь – свет мой и спасение мое: кого мне бояться? Господь – крепость жизни моей: кого мне страшиться?» – процитировал он, закрыв глаза, потом спешно добавил: – А вот если больной холерического темперамента, то ничего лучше псалма 15 нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.